

К.А. ЕЛИСТРАТОВА
(Череповец)

СКАЗОЧНЫЙ ДИСКУРС В ПОЭЗИИ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ

Рассматривается функционирование сказочного дискурса в поэтических текстах Веры Полозковой. Доминанта выделенного дискурса – «энергетически сильные макротексты».

Ключевые слова: сказочный дискурс, имя-оним, предикативная ситуация, сказочная пропозиция.

Специфика русской культуры как совокупности материальных и духовных особенностей народа определяет особенности организации его мышления и находит выражение в языке сказочных текстов, которые могут быть рассмотрены как результат глобального коммуникативного процесса – *сказочно-го дискурса*, иначе – особой знаковой системы, обслуживающей культурную коммуникацию [7, с. 48]. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка исследования функциональных возможностей элементов сказочного дискурса в поэтических текстах современного автора Веры Полозковой. Будучи творцом собственного бытия, она выходит за пределы традиционного сказочно-фольклорного видения мира, создавая новые смыслы и символы явлений окружающего мира. Однако при этом мир остается несвободным от традиционных представлений и образов, правил и законов тех прототипических текстов, которые послужили отправной точкой создания поэтических текстов: происходит столкновение разных культур с точки зрения синхронии и диахронии (современной и традиционной русско-народной культуры, складывающейся веками), что в свою очередь конструирует авторскую картину мира.

При создании текстовой базы сказочного дискурса, являющегося субъективной творческой трактовкой реального мира, поэт Вера Полозкова опирается на определенный набор текстовых стратегий, под которыми мы будем понимать некие механизмы достижения определенной коммуникативной цели и отсюда – как результат – соответствующую организацию текста для более эффективной реализации целей дискурса [1, с. 3]. *Стратегии автора в сказочном дискурсе* могут быть направлены на организацию текста определенного жанра, использование клише; выбор определенных графических, лексических, стилистических средств с целью оказания воздействия на адресата; на раскрытие мировоззрения автора (поэта), его отношения к различным ситуациям в сказочном дискурсе.

Так, в стихотворении «Сказочка» сказочная пропозиция задается самим названием, которое в конденсированной форме реализует индивидуально-авторскую стратегию – моделирование окружающей действительности в формате «сказочки» с *очень, очень простым сюжетом*. В основе стихотворения каноническая ситуация (или, по А. Вежбицкой, лингвистическая универсалия): *...королевич лежит, ресницы его дрожат / злая ведьма сон его стережет**. Молодой автор сохраняет связь со сказочным прототипом (ср. А.С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», Ш. Пьеро «Спящая красавица»), однако модусная рамка сугубо метафорична (перевернутый «базисный» сюжет известных сказок с «надстройкой» из реалий современной жизни).

При сопоставлении с известными сказочными сюжетами становится очевидно, что Вера Полозкова с опорой на «чужое» создает «свой» *модифицированный (инсценированный) сказочный дискурс*, отличительной чертой которого является *смена гендерных ролей* (акциональность свойственна отнюдь не мужскому, а женскому началу => новые взаимоотношения субъектов ситуации). Перевернутый характер носит и видовременная организация текста: если сказочный канон подразумевает разрешение конфликта результативной концовкой (на грамматическом уровне: несов. вид => соверш. вид), то у Веры Полозковой разрешением конфликта является статальная пропозиция сна (*Почивай, мой свет, предавайся сну // улыбайся мне*), ибо *когда он проснется, его народ / разорят, унижат и покорят, // он поднимет войско // и он умрет // и, о да, его отблагодарят*.

* Здесь и далее примеры из поэзии Веры Полозковой приводятся по источнику [4].

Однако автором сохранены и прототипические черты сказочного канона: последняя строфа текста – пример традиционного «запрета», нарушение которого повлечет неотвратимые беды: *Не ходи, хороший мой, на войну*. В качестве вокатива выступают фольклорно маркированные *хороший мой* и *мой свет*, в качестве атрибутивных характеристик субъектов – постоянные эпитеты *злая ведьма*; *ярок снег его шеи*; *черен ее грозный бескровный рот*, задающие оппозицию добрых и злых персонажей.

В стихотворении Веры Полозковой сказочно маркированными являются и концепты, представляющие собой результат взаимодействия культурологических факторов, к которым относятся национальная традиция, фольклор, религия, жизненный опыт [5, с. 63]. В стихотворении находят выражение универсальные концепты «Добро» и «Зло», заданные частными лингвокультурными символами-персоналиями «королевич» и «ведьма», маркированными в свою очередь семантикой «своего» и «чужого»: *хороший мой; мой свет; улыбайся мне // злая ведьма*. Периферийная зона – зона пересечения универсалий – задается сказочным потенциалом лингвокультурного символа «камень» (ср. в сказках: порог дома, река как граница), который находит активное выражение в фольклоре (см., например, русскую народную сказку «Волшебное кольцо») и паремиологическом фонде (*Под лежащий камень вода не течет*).

К тому же в фольклорных текстах часто встречается упоминание камня с указателями *направо пойдешь – жив будешь, налево пойдешь – убит будешь, прямо пойдешь – голоден и холоден* [2, с. 76] (содержание направлений может варьироваться). Ситуация «запрета», реализуемая последней строфой стихотворения «Сказочка», соотносима с традиционными народными плачами, также широко распространенными в сказках (ср. с плачем Ярославны из «Слова о полку Игореве», где фольклорная стихия, вопреки авторству, очевидна).

Не менее интересно в заявленном темой аспекте стихотворение Веры Полозковой «Смерть автора». Семантический потенциал названия, отсылающего к работе французского философа-постструктуралиста и семиотика Ролана Барта, получает буквальную реализацию на текстовом уровне. Сказочная пропозиция включает автора-творца, который умер, и его персонажей, которые ожили и продолжают свое существование: *Джек-сказочник намного пережил / Свою семью, и завещал, что нажил / Своим врачам, друзьям и персонажам // Коту, Разбойнику и старой ведьме Джил*. Текст стихотворения – результат игрового обращения с энергетически сильными сказочными макротекстами (на сей раз речь идет о сугубо авторской сказке): ситуация оживания персонажей является типичной и встречается в сказках Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», Г.Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик», Д. Родари «Путешествие Голубой Стрелы».

Здесь мы вновь имеем дело с ситуацией инсценирования сказочного дискурса, доказательством чего является состав персонажей, участников ситуации: Джек и Джил – главные герои английских стихов-сказок сборника «Мелодии Матушки Гусыни» середины XVII в.; Кот и Разбойник – персонажи из сказки братьев Grimm «Бременские музыканты».

Рассматриваемый поэтический текст актуализирует транскультурные связи – от персоналий зарубежных авторских сказок до русских лингвокультурных сказочных символов (ср.: *Чтоб влезть наверх и снять с буфета плошку / С не-плачь-травой, и всыпать ровно ложку...*). В стихотворении можно выделить и традиционные для сказочного дискурса колоронимы. В этом аспекте наиболее значим «зеленый» (*густой зеленый суп* из не-плачь-травы). Зеленый цвет относится к хроматическим цветам спектра и в фольклоре обычно обозначается субстантивированным дериватом *зелье*.

В стихотворении «Беда» сказочный дискурс задается инициальной паремией *Беда никогда не приходит одна* (иллирийская поговорка, из Далматии). Оценочное абстрактное понятие «беда» персонифицируется и выступает как активный субъект предикативной ситуации стихотворения, человек же (героиня текста), в терминологии А. Вежбицкой, выступает экспериенцером, т.е. неспособным контролировать события: *Беда приносит с собой вина / Приводит с собой друзей / Берет гитару, глядит в глаза / Играет глумливый джаз...* Пословичная пропозиция структурно реализуется простыми двусоставными предложениями. Кроме того выражена идея «множественности» бед, способность беды

к быстрому увеличению, бесконтрольному росту, что отражается русской пословицей *Пришла беда – отвори ворота* (ср. у Веры Полозковой: *Беда звонит – значит отвори / железные ворота*).

Фольклорная ситуация персонификации беды и ее шествия по земле распространена в русской литературе (одно из словарных значений лексемы *беда* – синоним *горе* [8, т. 1, с. 311]: ср. «Повесть о Горе и Злочасти, как Горе Злочастие довело молодца во иноческий чин»). Наряду с пословицами (сугубо сказочными по своему историческому происхождению) поэтический текст содержит отсылку к известной сказочной героине – царевне Несмеяне (сказка «Царевна-Несмеяна»).

Итак, применительно к сказочным элементам поэтические тексты Веры Полозковой являются «семиотически насыщенными» [6, с. 196]. При этом объем (наполнение) сказочных элементов может быть различным: от упомянутых выше сказочных пропозиций, являющихся структурной основой целых текстов Веры Полозковой, до сказочных пропозиций частного порядка (*А я вывернусь, и сбегу, да и обвенчаюсь / С царской дочкой, а царь мне со своего плеча даст...; А что, говорю я, дверь приоткрыл сутуло. Вот терем мой, он не низок, не высок; Эй, а делай-то что? Слова собирать из льдин?* – отсылка к андерсоновской «Снежной Королеве») и одиночных имен сказочных персоналий (так называемых онимов), чье представительство в текстах Веры Полозковой весьма обширно:

Бармалей – смеется хищно, как Бармалей... (см.: «Бармалей» К.И. Чуковского);

Гвидон – Может только петь об Армагеддоне, о своем прекрасном царе Гвидоне... (см.: «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А.С. Пушкина);

Кай – маленький мальчик Кай – то уже совсем не твои дела... Каю девочка первенца родила... Кай давно не верит подобной белиберде (см.: «Снежная королева» Г.Х. Андерсена);

царевна Лыбедь – И если летом она казалась царевна Лыбедь... (см.: древнерусское предание о происхождении полян);

Маленький Мук – ...где теперь маленький мальчик Мук... (см.: «Маленький Мук» В. Гауф);

Маленький Принц – Чтоб вынес акушер рябой / Грудного Маленького Принца (см.: «Маленький Принц» А. де Сент-Экзюпери);

Осел, Трубадур, Король, Разбойница – Я могу за Стражу, и Короля / За Осла, Разбойницу, Трубадура... (см.: «Бременские музыканты» братьев Гримм);

Оле-Лукойе – Как лукавый, добрый Оле-Лукойе... (см.: «Оле-Лукойе» Г.Х. Андерсена);

Птица Рух – И поет оно так злоеце, как Птица Рух (см.: «Тысяча и одна ночь», путешествие Синдбада-морехода);

Финист – Ты ведь мне один Финист Ясный Сокол (см.: русская народная сказка «Финист – Ясный Сокол»);

Фома и Ерема – И снова он тебе про Ерему / А ты ему про Фому (см.: народная скоморошья песня);

крошка Цахес – И ты слышишь тост за себя и думаешь – Крошка Цахес (см.: «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» Э.Т.А. Гофмана).

Что касается последнего случая, интерес представляет стихотворение «Детское», где в рамках одного текста совмещены 12 персонажей литературы (сказочного фольклора) и мультипликации: **Стража, Король, Осел, Разбойница, Трубадур** (*Я могу за Стражу и Короля, / За Осла, Разбойницу и Трубадура*); **Оле-Лукойе** (*Как лукавый добрый Оле-Лукойе*); **Фрекен Бок** и **Малыш** (*Фрекен Бок вздохнет во сне: «Что такое?» / Ты хорошим мужем ей стал, Малыш* (см.: А. Линдгрэн «Карлсон, который живет на крыше»)); **Лис** (*Я смогу смириться и ждать, как Лис* (см.: А. Экзюпери «Маленький Принц»)); **Финист Ясный Сокол** (*Ты ведь мне один Финист Ясный Сокол*), **Питер Пэн** и **Венди** (*Мы летали бы над землей – Питер Пэн и Венди* (см.: «Питер Пэн и Венди» Дж. Барри)). Применительно к этому тексту Веры Полозковой речь может также идти о двух случаях так называемых «полуантропонимов», иначе – имен, которые могут выступать как собственные и как нарицательные (имплицитные поэтонимы – *серый волк, Иван-Царевич*), но в силу фольклорной природы своего происхождения интерпретируются

как нарицательные: *Я еще смогу тебе пригодиться – / И живой, и мертвой, как та водица* (первая часть реплики – отсылка к сказочному образу серого волка, вторая – к «Сказке о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»); *Я найду, добуду – назначат казнь, / А я вывернусь, и сбегу, да и обвенчаюсь / С царской дочкой, а царь мне со своего плеча даст...* (косвенная перифрастическая номинация героя русских народных сказок).

Сказочные «полуантропонимы» нередки в дискурсе Веры Полозковой: *Мне сорок один, ей семнадцать, она ребенок, а я кащей; К пяти утра сонный айболит накладывает лангеты, рисует справку и ценные указания отдает*. Эти примеры правомерно рассматривать в аспекте транспозиции сказочного имени собственного в имя нарицательное. Известно, что «имена существительные собственные переходят в разряд нарицательных, когда они служат для обозначения целого класса однородных предметов и явлений» [3, т. 2, с. 104]. В обоих случаях можно говорить только об окказиональном использовании имени собственного в значении имени нарицательного: акцентуация семантического множителя «возраст» (а не «телосложение») в лексеме *кащей*; слово *айболит* как синоним лексемы *доктор*.

Итак, сказочный дискурс можно определить как особый культурный пласт, который автор постоянно преломляет в своем сознании. Структурными элементами организации сказочного дискурса выступают *целостная сказочная предикативная ситуация, частная сказочная пропозиция, имя-оним*, а его основой – «энергетически сильные макротексты», становящиеся концептуально значимым феноменом идиостиля Веры Полозковой.

Литература

1. Астафурова Т.Н. Типология коммуникативных стратегий в научных парадигмах // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 16–25.
2. Афанасьев А.Н. Русские народные сказки. М. : Книга, 1990.
3. Грамматика русского языка : в 2 т. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1952 – 1954.
4. Живой журнал Веры Полозковой. URL : <http://vero4ka.livejournal.com>.
5. Иванова С.В. Культурологический аспект языковых единиц. Уфа : Культура-Язык, 2002.
6. Лотман Ю.М. Заметки о структуре художественного текста // История и типология русской культуры. М. : Академия, 2002.
7. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М. : Язык, 1997.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л. : Наука, 1950–1965.
9. Снегирёв И. Словарь русских пословиц и поговорок. Нижний Новгород : Словесность, 1996.

Fairy-tale discourse in the poetry by Vera Polozkova

*There is considered the functioning of fairy-tale discourse in the poetic texts by Vera Polozkova.
The dominant of the discourse is “energetically strong macrotxts”.*

Key words: *fairy-tale discourse, name-onym, predicative situation, fairy-tale proposition.*